

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES
OF RUSSIAN FEDERATION

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-2-303-311

**Взаимодействие принципов структурного построения
в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского**

Анатолий Алексеевич СЕРЕБРЯКОВ, Дарья Романовна ЖЕЛЕЗНЯК ✉

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

✉ soul.darya@bk.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности принципов структурного построения романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и дан анализ каждого выявленного структурного принципа в отдельности. Цель работы – попытка ответить на вопрос, каким образом могут сосуществовать в пределах одного художественного целого дуализм, диалогичность, моноцентризм и «полифония» как структурообразующие компоненты текста. Актуальность такой постановки вопроса состоит в том, что изучение структуры романа «Идиот» зачастую происходит в контексте только одного из выделенных структурных принципов, что ограничивает целостное восприятие текста. Опираясь на структурный и герменевтический подходы, можно заключить, что все основные принципы структурного построения исследуемого романа определены особенностями художественной природы образа князя Мышкина, который, соответствуя общей дихотомичности романа, сам является амбивалентным и принципиально диалогичным; через данную разомкнутость к диалогу на уровне сюжетно-композиционного устройства текста реализуется моноцентрическое движение к фигуре Мышкина; но, начиная со второй части романа, полифонически неслиянные голоса-сознания других персонажей вытесняют «голос» князя, выявляя его имманентную «невоплотимость». Так, метапоэтика романа «Идиот» определяет особенности структурного построения текста, где «синтетичный» герой существует в особой романной структуре, которая представляет собой многомерное полиструктурное соединение, строящееся на принципах диалогичности, дуализма, моноцентризма и полифоничности.

Ключевые слова: структура текста, диалогизм, дуализм, моноцентризм, полифония, антропоцентризм

Для цитирования: Серебряков А.А., Железняк Д.Р. Взаимодействие принципов структурного построения в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 303-311. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-303-311>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The interaction of the structural construction principles in the F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot"

Anatoliy A. SEREBRIAKOV, Daria R. ZHELEZNYAK ✉

North-Caucasus Federal University
1 Pushkina St., Stavropol 355017, Russian Federation
✉ soul.darya@bk.ru

Abstract. The peculiarities of the principles of structural construction of the novel "The Idiot" by F.M. Dostoevsky and the analysis of each identified structural principle separately are studied. The aim of the work is to attempt to answer the question of how dualism, dialogism, monocentrism and "polyphony" can coexist within one artistic whole as structure-forming elements of the text. The relevance of this approach is due to the fact that the study of the structure of the novel "The Idiot" often takes place in the context of one of the identified structural principles, which, in turn, limits the overall picture of the perception of the text. Based on the structural and hermeneutic approaches, we came to the following conclusions: all the main construction's principles of the novel are determined by the peculiarities of the image of Prince Myshkin, who in corresponding to the general dichotomous nature of "The Idiot", is himself ambivalent and fundamentally dialogical; through the openness to the dialogue at the level of plot and composition of the text, a monocentric movement towards the figure of Myshkin is implemented; but starting from the second part of the novel, the polyphonic non-fusion voices-consciousness of other characters supplant the "voice" of the prince, revealing his immanent "non-embodiment". Thus, the metapoetics of "The Idiot" determines the features of the structural construction of the text, where the "synthetic" hero exists in a special novel structure, which is a multidimensional polystructural combination based on the principles of dialogism, dualism, monocentrism and polyphonism.

Keywords: text structure, dialogism, dualism, monocentrism, polyphony, anthropocentrism

For citation: Serebriakov A.A., Zheleznyak D.R. Vzaimodeystviye printsipov strukturnogo postroyeniya v romane «Idiot» F.M. Dostoyevskogo [The interaction of the structural construction principles in the F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 303-311. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-303-311> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

«Вихревая антропология» Достоевского, определяющая диалектику внутренней жизни его персонажей, работает и на уровне структуры романа «Идиот», в котором поиск нравственного основания достиг непреодолимой границы возможности человеческого воплощения, что отразилось на особой природе «положительно прекрасного» образа князя Мышкина. Структура романа базируется на взаимодействии следующих основных принципов: дуализма, диалогичности, моноцен-

тризма и полифонии. Полифония в романах Достоевского, как правило, рассматривается в свете основных положений бахтинской концепции «полифонического романа». Но для понимания художественно-философской специфики романа значимыми являются размышления и выводы следующих учёных: Г.М. Фридендера, выделяющего, наряду с «многоголосием» романов Достоевского, наличие в них идейно насыщенного, концептуального внутреннего ядра, которое так или иначе определяет особенности художественной ткани произведений писателя [1, с. 121-

123]; К.А. Степаняна, глубокие наблюдения которого позволили по-новому осознать проблемность «полифонической теории» Бахтина [2, с. 123-166]. В понимании моноцентричности романа «Идиот» мы опираемся на традицию, заложенную Н.А. Бердяевым, К.В. Мочульским и И.Л. Альми, которые утвердили центростремительность сюжетно-композиционного развёртывания данного текста [3, с. 341-342; 4, с. 302-303; 5, с. 436-439]. Дуализм как структурный принцип в романе рассматривается нами через общеструктурную дихотомичность текста, которую подробно обосновал А.Б. Криницын [6, с. 398-411]; а диалогичность романа и образа главного героя анализируется с опорой на работы таких учёных, как Т. Киносита [7, с. 56] и К.Г. Исупов [8, с. 223, 228], которые отметили принципиальный диалогизм «духа» Мышкина, постоянно ассимилирующегося с иными персонажами романа «Идиот».

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Основная цель работы заключается в выявлении и анализе особенностей сосуществования и взаимодействия в художественном пространстве романа «Идиот» диалогичности, дуальности, моноцентризма и «полифонии» как структурообразующих компонентов художественного целого. Методологически значимыми являются структурный (в выявлении принципов и взаимосвязей) и герменевтический (в выявлении сущности и роли этих принципов) подходы, позволяющие выявить особого рода закономерности в структуре романа «Идиот» через соотношение художественной формы и содержания в их неразрывной целостности. Полиструктурность в данном случае рассматривается в свете антропоцентризма индивидуально-авторских интенций Достоевского.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вначале целесообразно обратиться к некоторым аспектам бахтинской «полифонии», которые, по нашему мнению, особенно значимы в процессе анализа архитектоники романа «Идиот». Так, М.М. Бахтин констатирует, что в произведениях Достоевского «...появляется герой, голос которого постро-

ен так, как строится голос самого автора в романе обычного типа» [9, с. 11]. То есть утверждается некоторый антропоцентризм, «антропокосмизм» романов писателя, в котором множественность равноправных сознаний действует и взаимодействует с их микрокосмами. Такая структурная установка представляется закономерной вследствие антропоцентрического типа мироотношения Достоевского – особой смыслодержательной доминанты «идеи человека», которая выражается опосредованно, например, «в эстетике художественного метода» [10, с. 28]. Один из важнейших художественно-философских принципов автора «великого пятикнижия» – «*найти в человеке человека*» реализуется и в поиске концептуальных основ так называемой «*живой жизни*», и в устремлённости к выявлению амбивалентной сущности той «*красоты*», которую как «бытийную ценность Ф.М. Достоевский стремится отыскать в каждом индивидуе, выявляя в сиюминутном вечное, бессмертное» [11, с. 531-532]. Итак, антропоцентричность художественного дискурса Достоевского, где герой-идеолог равен самому себе и собственному голосу-сознанию, является своего рода эстетической и аксиологической константой творчества писателя.

По Бахтину, Достоевский в процессе создания персонажей не использует актуализацию черт своего индивидуально-авторского «Я», писатель не делает героев собственными «масками». Действующие лица у него, развиваясь совершенно самостоятельно, конституируются в романном пространстве согласно некоторой естественной внутренней логике имплицитного содержательного замысла. Персонажное сознание представлено как «другое», но одновременно оно не замыкается как опредмеченный объект – между автором и героем обнаруживаются особые отношения «Я»-«другой». М.М. Бахтин констатирует: «...именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» [9, с. 10]. Так, равноправие полновесных и самостоятельных голосов-сознаний не утверждает относительность или неразличимость правды и неправды, а открывает диалогический путь к поискам некоторой несубъектив-

ной истины. Диалогичность романов Достоевского имманентна и многоуровневна: диалог ведётся и между героями-голосами, и между полюсами амбивалентных сознаний, буквально представляющих собой диалоги внутри диалогов. В этом поиске и состоит особая активность, говоря словами Бахтина, «ответственная участность» автора-творца в «большом диалоге» полифонического романа. Именно в единстве «бытия-события» полновесно «звучат», совмещаясь в неслиянном романном потоке, по его мнению, голоса героев «полифонического романа» Достоевского.

Г.М. Фридендер высказал глубокое наблюдение относительно идейного содержания романов Ф.М. Достоевского: «...при всей внешней «многоголосости» романов Достоевского... они тяготеют всегда к определённому, ощущаемому читателем внутреннему ядру, к объединяющему идеологическую и художественную ткань романа комплексу нравственных, социальных, философско-исторических вопросов» [1, с. 122]. Эта мысль учёного, на наш взгляд, формулирует очень точное понимание «полифоничности» романов Достоевского, так или иначе имеющих некоторый центр в виде «внезаходимого» автора-творца, имплицитно присутствующего в каждом голосе. Важно, что в полифоническом романе от автора «требуется не отказ от себя и своего сознания, а необычайное расширение, углубление и перестройка этого сознания... для того, чтобы оно могло вместить полноправные чужие сознания» [9, с. 80]. *Вместить в себя*, а не подчинить себе или заменить собой. То есть автору-творцу «полифонического романа» остаётся «быть» в целокупности всего текста, как и в каждом из его героев в их неслиянности. Поэтому М.М. Бахтин видит в позиции героя у Достоевского не просто самостоятельность как художественную черту, а константную норму «полифонического романа» вообще, где множественность центров-сознаний действующих в потоке единого «антропокосмического» художественного порядка, который, в свою очередь, *организован* движущей силой «ответственного участия» автора-творца текста. Именно таким образом «полифонический роман» Достоевского может «жить» во всей полноте концепции Бахтина.

К.А. Степанян расширяет бахтинское понимание архитектоники «полифонического» романа Достоевского, подчёркивая наличие «*сочетания* авторского голоса, авторской воли (самыми различными способами выраженных) со свободными голосами персонажей» [2, с. 152] и перенося модель «полифонического» романа на религиозную (христианскую) модель мира, в частности, на модель взаимоотношений Бога и человека. Нельзя не вспомнить, говоря о таком (в русле «христианского реализма» В.Н. Захарова) понимании текстов Достоевского, о наблюдении Т.А. Касаткиной, которая констатировала, что «в каждом «полифоническом» герое Достоевского заключён образ Христов, и добирается герой до Христа в себе именно посредством соединения, совмещения в своём сознании всех голосов» [12, с. 42]. Здесь можно увидеть уже иной подход к трактовке «полифонии», который провозглашает внутреннюю полифоничность героя (и человека в целом).

Обращаясь непосредственно к проблеме особой структурной цельности романа Ф.М. Достоевского «Идиот», необходимо обозначить несколько особенностей построения данного текста. Во-первых, нельзя не признать, что матрицей построения романа является дихотомия, которая, как отметил А.Б. Криницын, прослеживается на всех его уровнях: «при организации системы персонажей, при построении сюжета, развертывании мотивной и идейно-символической системы, а также и амбивалентного значения центральных образов» [6, с. 399]. То есть множественные дуальности, строящиеся по принципу контрастного параллелизма – «крайностей», которые «сходятся», организуют в «Идиоте» особый диалектический космизм. Так, образная система романа «Идиот» основывается на принципе бинарных пар, а главным героям свойственна синкретичная двойственность, что в целом обеспечивает целостность творческой концепции текста. Но важно отметить, что в случае с главным героем романа реализация структурного дуализма и «диалогизма» происходит по-особому, так как Мышкин сам становится незримой мерой и компонентом всякой бинарной пары, а дуальность непосредственно его образа, проявляясь наиболее ярко, от-

чётливее всего выражает и его парадоксальную «карнавальную» цельность.

Важно, что главный герой романа особым образом способен вступать в диалогические отношения со всеми основными персонажами, так как они открывают себя князю без всякой предосторожности: «У Мышкина особенный дух, умеющий ассимилироваться диалогически с партнёрами («с состраданием») и провоцировать их на признание ему» [7, с. 56]. Природа его образа выражает “the essence of religious feeling as expressed in one’s heart – in an act of love or compassion aimed at another person” («суть религиозного чувства, выраженного в сердце – в акте любви или сострадания, направленном на другого человека») [13, р. 102]. Поскольку князь является в позиции не «для-себя», а принципиально «для-другого», то некоторые исследователи именуют это как «болезнь... эксцентрического альтруизма» [14, с. 14]. По мнению К.Г. Исупова, «Мышкин подан в романе как словесно-эстетическая модель, к которой автор пристраивает разные «модули» – Аглаи, Ипполита, Рогожина, Настасьи Филипповны и даже себя самого как свидетеля и рассказчика» [8, с. 223]. Князь, привносящий всюду «карнавальную» откровенность, оказывается в позиции видящего каждого героя «иным» взглядом: сквозь призму сердечной связи и диалога. С точки зрения такой «диалогичности» природы героя, рассмотрение образа Мышкина неизменно приводит к вопросу о «недоволенности» героя как художественном феномене.

Во-вторых, из такой специфичности образа князя Мышкина вытекает и другая структурная особенность, которая заключается в центростремительной моноцентричности романа «Идиот». Своеобразный моноцентризм здесь реализуется в движении, которое «идёт не к центральной фигуре князя Мышкина, а от неё ко всем» [3, с. 341], создавая тем самым пары внутритекстовых диалогических связей князя с каждым из главных персонажей. По мнению К.В. Мочульского, на контрастном противопоставлении личности миру «основано динамическое построение романа» [4, с. 302]. Так, и для И.Л. Альми статический срез композиции романа «Идиот» представляет собой «проти-

востояние «князя Христа» и всех, кто его окружает» [5, с. 436].

Структура романа «Идиот» определена самим замыслом автора о таком герое, что он отмечает в рукописных редакциях: «NB. Князь только *прикоснулся* к их жизни. <...> Но где только он ни *прикоснулся* – везде он оставил неисследимую черту. И потому бесконечность историй в романе (misérabl’ей всех сословий) рядом с течением главного сюжета...» [15, с. 242]. В данном случае принцип «целое в виде героя» выражен таким образом, что прежде всего данность образа князя и «прикосновения» его к жизни являются главными смысловыми опорами всего сюжета романа. Остаются не до конца понятны некоторые действия персонажа, и сама цель его «пришествия» в мир вызывает споры литературоведов, а финал романа философски «разомкнут» вследствие применения автором системы различных недоговорённостей. Так, особое положение Мышкина влияет и на сюжетно-композиционное развёртывание, и на устроение структуры текста.

Можно предположить, что в романе князь противопоставлен всем вокруг из-за специфики своей уникальной природы, имеющей установку на характерологическую «синтетичность». Герой субстанционально несёт в себе нравственный субстрат представлений Достоевского об этическом очеловеченном идеале, но одновременно оказывается беспомощным среди живых людей и событий, буквально выталкивающих его на обочину жизни. Такое положение героя можно объяснить через феномен не вполне человеческой природы князя, который лишён возможности полноценного вхождения в жизнь. В романе актуализируется феномен «зависания на пороге», выраженный через «недоволенность» и даже особую «невоплотимость» его образа. Эта особенность героя может быть обусловлена неисполнимостью той этической задачи, которую он должен выполнить в романе «Идиот». Так, Мышкин, на наш взгляд, является принципиально «невоплотимым» образом, неживаемой мифологемой «Князя-Христа».

В этой связи необходимо остановиться на проблеме определения соотносительности образа с евангельским архетипом. Представляется верным утверждение, что через образ

князя Мышкина «Достоевский попытался выразить свое понимание Христа как идеала человеческого развития» [16, с. 163]. Несомненно, что новозаветный текст в данном случае является прасюжетом для всего художественного мира романа, а имплицитная христоморфность князя Мышкина, интенционально сформированная философско-этическими доминантами мировоззрения автора, восходит к идеалам православной системы ценностей. Как отметила Т.А. Касаткина, Достоевский в романе «Идиот» насыщает текст евангельскими аллюзиями «в самых неожиданных местах, превращая самые насмешливые и издевательские фразы о герое – в свидетельства Его природы...» [17, с. 22].

Примечателен и характерологический комплекс «положительно прекрасных» качеств в образе князя Мышкина: невинность, детскость, склонность к саморефлексии, острое переживание чувства вины, всепрощение, отсутствие гордыни, целомудрие и смирение, способность понимать «Другого», сопереживать. Но христианские этические максимы и сугубо человеческие посылки характера Мышкина слиты в нём воедино и одинаково полноправно выступают и действуют во взаимоотношениях его с другими героями. Иногда князь может испытывать раздражение, к нему приходят так называемые «двойные мысли», ему не чужды подозрения и страх, но при этом именно данный образ в полной мере можно воспринимать в качестве максимально значимого в этической и художественно-мировоззренческой системе романа «Идиот».

В первой части романа моноцентризм выступает как структурообразующий композиционный принцип. Во второй части этот принцип постепенно дополняется иным структурообразующим движением, – выходом на поверхность множества побочных линий, которые начинают деконструировать одноцентричность художественного пространства художественного текста, деструктивно воздействуя на образ и романский путь главного героя. Три последние части романа, по точному замечанию Г.Г. Ермиловой, вобрали в себя ритм и «содержательную динамику Страстной седмицы» [18, с. 99-100]. То есть мотив приближающейся «смерти Бога», символом которой является в произведении кар-

тина Гольбеина, наполнен в романе апокалиптическим смыслом, что выражается через изображение хаоса человеческих «сознаний» и отношений, где один «голос» перебивает и заглушает другой, рождая невыносимый «полифонический» гул. Вереница “scandal scenes” («скандальных сцен»), как отмечалось Э. Броди, “represent a frightening picture of the decaying Russian society” («представляет собой пугающую картину разлагающегося российского общества») [19, р. 119]. В этом гнетущем беспорядке, противопоставленном желаемому князем гармоничному «порядку вещей», герой, “who can be too easily ridiculed, patronized or despised by those who perceive only the surfaces of reality” («так легко высмеиваемый, покровительствуемый или презираемый теми, кто воспринимает только поверхность реальности») [20, р. 93] существовать просто не может. И потому Мышкин – призрак, «стремления которого направлены к инобытию, но его затягивают в земной мир, заставляют жить, сам же он мечтает «бежать», но остаётся...» [21, с. 183].

Итак, в-третьих, князь является в мир Достоевского не для того, чтобы утвердить свой особенный, противопоставленный всем остальным «голос» в потоке общей полифонии. Напротив, как заметил В.В. Бибахин, «безысходная разноголосица города терзает его как ад, от которого диалог не спасает, из которого спасёт не диалог» [22, с. 81]. Именно поэтому «роман завершает умопомешательство Мышкина, полная коммуникативная беспомощность...» [23, с. 102]. Можно предположить, что «невоплотимость» образа князя Мышкина, а за ней и отмеченная выше диалоговая «безысходность» в романе «Идиот» не может быть преодолена из-за того, что идейное содержание произведения сконцентрировано на одной фигуре, не способной вынести тяжесть собственного воплощения.

ВЫВОДЫ

В результате рассмотрения принципов структурного построения романа «Идиот» можно заключить, что образ князя Мышкина, органично входящий в общую структурную дуальность и бинарность романа, является амбивалентным и принципиально диалогичным. На уровне сюжетно-композиционной

организации текста через диалогичность реализуется центрированное движение к главному герою. Мышкин противопоставлен всем остальным персонажам вследствие отчуждающей «синтетичности» его образа. Начиная со второй части романа, полифония действует уже во всей своей полноте, заглушая и разрушая проповеднический голос князя, но при этом не смещая его на периферию. Движение от «других» выявляет неустойчивость, неукоренённость и «невоплотимость» образа Мышкина. Все основные принципы структурного построения романа «Идиот» определены спецификой образа Мышкина, особым характером его взаимодействия с другими персонажами. А та «син-

тетичность», невоплотимая безграничность, «просвечивающая сквозь фигуру героя», раздвигает и грани романной «постройки». Поэтому моноцентризм в романе не разрушает общую полифоничность. На наш взгляд, в романе «Идиот» мы можем наблюдать особое структурно динамическое построение, где дуализм, диалогизм, моноцентризм и полифония кристаллизуются и взаимно коррелируют, вытекая из индивидуально-авторских мировоззренческих посылок, антропоцентрического характера художественного философствования Ф.М. Достоевского, сосредоточившего этическое и аксиологическое в фигуре «положительно прекрасного человека» Льва Николаевича Мышкина.

Список источников

1. Фридлиндер Г.М. Достоевский // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1991. Т. 7. С. 105-124.
2. Степанян К.А. Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016. 296 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Изд-во «Э», 2016. 512 с.
4. Мочульский К.В. Достоевский: Жизнь и творчество. Париж: YMCA-PRESS, 1980. 563 с.
5. Альми И.Л. О сюжетно-композиционном строе романа «Идиот» // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 435-445.
6. Криницин А.Б. Сюжетология романов Ф.М. Достоевского. М.: Макс Пресс, 2017. 456 с.
7. Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Достоевского. СПб.: Серебряный век, 2005. 208 с.
8. Исупов К.Г. Князь Мышкин и его миссия // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 4. С. 222-229.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 505 с.
10. Головкин В.М. Эпистемологический потенциал литературоведческой категории «идея человека» // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 23-31.
11. Сычёва Е.О., Серебряков А.А. Реализация эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Нефилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 530-540. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-530-540>
12. Касаткина Т.А. К вопросу о полифонии Бахтина и полифонии Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 24. СПб.: Серебряный век, 2008. С. 36-42.
13. Vašković P. A path to authenticity: Kierkegaard and Dostoevsky on existential transformation // International journal for philosophy of religion. 2019. № 87 (1). P. 81-108.
14. Викторovich В.А. Нефантастичность «фантастичного «Идиота» // Неизвестный Достоевский. 2018. № 1. С. 3-19.
15. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленинград. отд-е, 1974. Т. 9. 528 с.
16. Ли Т., Евлампиев И.И. Проблема бессмертия и воскресения в романе Ф. Достоевского «Идиот» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 1. С. 162-174.
17. Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.
18. Ермилова Г.Г. Идиот // Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. С. 98-101.
19. Brody E. Meaning and Symbolism in the Names of Dostoevsky's "Crime and Punishment" and "The Idiot" // Names. 1979. Vol. 27. № 2. P. 117-140.
20. Hubbard T. Heart and Soul: Dickens and Dostoevsky // Slavonica. 2020. Vol. 25 (2). P. 89-105.
21. Сытина Ю.Н. В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф.М. Достоевского и Сегелиель В.Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 173-193.

22. Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 416 с.
23. Герцк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мёртвого дома» до «Братьев Карамазовых». СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История, 2016. 320 с.

References

1. Fridlender G.M. Dostoyevskiy [Dostoevsky]. *Istoriya vsemirnoy literatury: v 8 t.* [History of World Literature: in 8 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1991, vol. 7, pp. 105-124. (In Russian).
2. Stepanyan K.A. *Shekspir, Bakhtin i Dostoyevskiy: geroi i avtory v bol'shom vremeni* [Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky: Heroes and Authors in Big Time]. Moscow, Global Kom: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2016, 296 p. (In Russian).
3. Berdyayev N.A. *Russkaya ideya. Mirosozertsaniye Dostoyevskogo* [The Russian Idea. Dostoevsky's Worldview]. Moscow, «Е» Publ., 2016, 512 pp. (In Russian).
4. Mochulskiy K.V. *Dostoyevskiy: Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky: Life and Work]. Paris, YMCA-PRESS, 1980, 563 p. (In Russian).
5. Almi I.L. O syuzhetno-kompozitsionnom stroye romana «Idiot» [On the plot-compositional structure of the novel “The Idiot”]. *Roman F.M. Dostoyevskogo «Idiot»: Sovremennoye sostoyaniye izucheniya* [F.M. Dostoevsky's Novel “The Idiot”: the Modern State of Study]. Moscow, Naslediye Publ., 2001, pp. 435-445. (In Russian).
6. Krinitsyn A.B. *Syuzhetologiya romanov F.M. Dostoyevskogo* [Plotology of Novels by F.M. Dostoevsky]. Moscow, Maks Press, 2017, 456 p. (In Russian).
7. Kinoshita T. *Antropologiya i poetika tvorchestva Dostoyevskogo* [Anthropology and Poetics of Dostoevsky's Works]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005, 208 p. (In Russian).
8. Isupov K.G. Knyaz' Myshkin i ego missiya [Prince Myshkin and his mission]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Review of the Christian Academy for the Humanities*, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 222-229. (In Russian).
9. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoyevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In: Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Complete Works: in 7 vols.]. Moscow, Russkiye slovari, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, vol. 6, 505 p. (In Russian).
10. Golovko V.M. Epistemologicheskiy potentsial literaturovedcheskoy kategorii «ideya cheloveka» [The “idea of human” literary category: epistemological potential]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 464, pp. 23-31. (In Russian).
11. Sycheva E.O., Serebryakov A.A. Realizatsiya esteticheskogo ideala v «Dnevnikе pisatelya» F.M. Dostoyevskogo [Implementation of the aesthetic ideal in the “A Writer's Diary” by F.M. Dostoevsky]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 530-540. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-530-540>. (In Russian).
12. Kasatkina T.A. K voprosu o polifonii Bakhtina i polifonii Dostoyevskogo [On the question of Bakhtin's polyphony and Dostoevsky's polyphony]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and World Culture], 2008, no. 24, pp. 36-42. (In Russian).
13. Vaškovic P. A path to authenticity: Kierkegaard and Dostoevsky on existential transformation. *International journal for philosophy of religion*, 2019, no. 87 (1), pp. 81-108.
14. Viktorovich V.A. Nefantastichnost' «fantastichnogo «Idiota» [A non-fantastic character of the “fantastic novel “The Idiot”]. *Neizvestnyy Dostoyevskiy – The Unknown Dostoevsky*, 2018, no. 1, pp. 3-19. (In Russian).
15. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka. Leningradskoye otdeleniye Publ., 1974, vol. 9, 528 p. (In Russian).
16. Li T., Evlampiyev I.I. Problema bessmertiya i voskreseniya v romane F. Dostoyevskogo «Idiot» [The problem of immortality and resurrection in F. Dostoevsky's novel “The Idiot”]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Review of the Christian Academy for the Humanities*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 162-174. (In Russian).
17. Kasatkina T.A. *Dostoyevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as Philosopher and Theologian: Artistic Way of Expression]. Moscow, Vodoley Publ., 2019, 336 p. (In Russian).
18. Ermilova G.G. Idiot [The Idiot]. *Dostoyevskiy: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, letters, documents: reference dictionary]. St. Petersburg, “Pushkinskiy Dom” Publ., 2008, pp. 98-101. (In Russian).

19. Brody E. Meaning and Symbolism in the Names of Dostoevsky's "Crime and Punishment" and "The Idiot". *Names*, 1979, vol. 27, no. 2, pp. 117-140.
20. Hubbard T. Heart and Soul: Dickens and Dostoevsky. *Slavonica*, 2020, vol. 25 (2), pp. 89-105.
21. Sytina Y.N. V poiskakh «polozhitel'no prekrasnogo» geroya: knyaz' Myshkin F.M. Dostoyevskogo i Segel'iyel' V.F. Odoyevskogo [In search of a "positively excellent" hero: Prince Myshkin by F.M. Dostoevsky and Segel'iel by V.F. Odoyevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 173-193. (In Russian).
22. Bibikhin V.V. *Slovo i sobytiye. Pisatel' i literatura* [Word and Event. The Writer and Literature]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ., 2010, 416 p. (In Russian).
23. Gerigk K.-Y. *Literaturnoye masterstvo Dostoyevskogo v razvitii. Ot «Zapisok iz Mertvogo doma» do «Brat'yev Karamazovykh»* [Dostoevsky's literary mastery in development. From "The House of the Dead" to "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., Nestor-Istoriya Publ., 2016, 320 p. (In Russian).

Информация об авторах

Серебряков Анатолий Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и мировой литературы, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1059-8328](https://orcid.org/0000-0003-1059-8328), aasereb@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск литературы, написание части текста статьи, обобщение опыта исследователей, окончательное редактирование.

Железняк Дарья Романовна, магистрант по направлению подготовки Филология, профиль «Русский язык и русская литература», Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-6866-6771](https://orcid.org/0000-0001-6866-6771), soul.darya@bk.ru

Вклад в статью: идея, поиск и анализ литературы, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 03.01.2022
Одобрена после рецензирования 16.03.2022
Принята к публикации 21.04.2022

Information about the authors

Anatoliy A. Serebriakov, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Russian and World Literature Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1059-8328](https://orcid.org/0000-0003-1059-8328), aasereb@mail.ru

Contribution: main study conception, literature search, part of manuscript text drafting, synthesis of researcher's experience, final editing.

Daria R. Zheleznyak, Master's Degree Student in Philology Programme, "Russian language and Russian literature" specialization, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-6866-6771](https://orcid.org/0000-0001-6866-6771), soul.darya@bk.ru

Contribution: idea, literature search and analysis, part of manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 03.01.2022
Approved after reviewing 16.03.2022
Accepted for publication 21.04.2022